

и т. д. Прославление Христа как властителя мира и победителя смерти способствовало широкому усвоению христианским искусством „императорской“ иконографии и символики, особенно ее „триумфальных“ вариантов. На ранних этапах развития „императорская“ иконография и христианская иконография вели раздельное существование. Позднее они сливаются. По мере укрепления византийского придворного церемониала и его распространения на периферии его воздействие на религиозное искусство должно было становиться все более сильным. На этой почве и сложились те образы Марии и Христа, в которых они приравняются к царице и царю».²

Помимо живописи этикет может быть вскрыт в строительном искусстве средневековья и в прикладном, в одежде и в теологии, в отношении к природе и в политической жизни. Это была одна из основных форм идеологического принуждения в средние века.

Если мы обратимся к литературе и литературному языку эпохи раннего и развитого феодализма, то и тут обнаружим ту же склонность к этикету. Литературный этикет и выработанные им литературные каноны — наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой.

Поясню. В. О. Ключевский подобрал довольно много формул, якобы специально присущих житийному жанру.³ А. С. Орлов сделал то же самое для жанра воинской повести.⁴ Нет нужды перечислять эти формулы; они хорошо известны каждому специалисту: «за руки ся емлюще сечаху», «по удолиям кровь течаше яко река», «стук и шум страшен бысть, аки гром», «бьяшеса крепко и нещадно, яко и земли постонати», «и поидоше полци, аки борове» и т. д. Однако ни А. С. Орлов, ни В. О. Ключевский не обратили внимания на то обстоятельство, что и «житийные формулы», и «воинские формулы» постоянно встречаются вне житий и вне воинских повестей, например в летописи, в хронографе, в исторических повестях, даже в ораторских произведениях и в посланиях. Это весьма важно, ибо не жанр произведения определяет собой выбор выражений, выбор «формул», а предмет, о котором идет речь. Именно предмет, о котором идет речь, является сигналом для несложного подбора требуемых литературным этикетом трафаретных формул. Раз речь заходит о святом — житийные формулы обязательны, будет ли о нем говориться в житии, в летописи или в хронографе. Эти формулы подбираются в зависимости от того, что говорится о святом, о каком роде событий повествует автор. Точно так же обязательны воинские формулы, когда рассказывается о военных событиях — в воинской повести или в летописи, в проповеди или в житии. Есть формулы, применяемые к выступлению в поход своего князя, другие — в отношении врага, формулы, определяющие различные моменты битвы, победу, поражение, возвращение в свой город и т. д. Воинские формулы могут встречаться в житии, житийные формулы — в воинской повести, те и другие — в летописи или в поучении. Легко убедиться в этом, пересмотрев любую летопись: Ипатьевскую, Лаврентьевскую, одну из новгородских и др. Один и тот же летописец не только применяет

² В. Н. Лазарев. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века. — Ежегодник Института истории искусства М., 1957, стр. 255, ср. стр. 256.

³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

⁴ А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). — ЧОИДР, 1902, кн. IV, стр. 1—50; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVIII вв. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 4, и др.